

6.12. Екатеринодар

6.12.1. Елизаветинская

С утра 25 марта (7 апреля) обоз из Новодмитриевской проследовал в занятую накануне Георгие-Афипскую. Лишь по его прибытии, уже к полудню выступила из станицы 2-я пехотная бригада. Конница Эрдели ушла вперёд ещё раньше. После днёвки в ауле Панахес в ночь на 26 марта (8 апреля) ею была захвачена паромная переправа у аула Хаштук, напротив станицы Елизаветинской. Бригада Богаевского в походном порядке продвигались в том же направлении вдоль железнодорожных путей. Но в какой-то момент показался выдвигавшийся навстречу советский бронепоезд и с дальней дистанции открыл огонь. Не ввязываясь в бой, бригада приняла вправо. Отдалившись от путей, она вышла из зоны поражения и продолжила движение с наступлением темноты.

Разлившаяся по плавням Кубань затопила свой левый берег. Казалось, части идут прямо по воде. Колонна, раз за разом сбиваясь с дороги, натываясь на рытвины и канавы, шла и шла вперёд. Тут и там горели в ночи огни. Это черкесы из бригады Эрдели подожгли ещё днём оставленные хозяевами хутора. Глубокой ночью 2-я бригада заняла, наконец, Панахес и стала на отдых. Лишь две роты «корниловцев» под командой капитана Миляшкевича отправлены были к переправе для её охраны.

Начал выдвигаться к занятому аулу, а затем – к переправе и обоз. Он старался держаться подальше от путей изначально. 1-я бригада, став арьергардом в Георгие-Афипской, прикрыла станицу заслонами, оседлавшими железную дорогу со стороны как Энема, так и Новороссийска. Части 1-го Кубанского полка к вечеру имели у Энема перестрелку с красновардейцами. Но в наступление не переходили. Не атаковали и большевики. Лишь укрепляли свои позиции и подвозили из Екатеринодара новые отряды.

Утром 26 марта (8 апреля) 1-я бригада оставила станицу Георгие-Афипскую и к вечеру достигла аула Панахес, ставшего вначале перевалочным пунктом для отходившей постепенно к Кубани Армии, а потом и узлом оборонительной позиции, при-

крывавшей переправу. К этому времени она шла уже полным ходом.

Для того чтобы понять, насколько рискованная операция удалась Корнилову, достаточно обратить внимание на переправочные средства. Всю Армию с огромным обозом предстояло переправить на противоположный берег полноводной, разлившейся к тому же реки на двух паромах³⁷¹ и нескольких рыбацких лодках. Основной паром мог за один раз перевезти 15 конных, либо до 50 пеших, либо 4 повозки с лошадьми. Второй был ещё меньшей вместимости, к тому же с повреждённым тросом, и работал с перерывами.

Нужно же было переправить до 9000 человек³⁷², 4000 лошадей, орудия, зарядные ящики и не менее 600 телег, подвод и повозок. При самых благоприятных обстоятельствах переправа могла занять не менее трёх суток. Но о них оставалось только мечтать. Буквально рядом находился противник, силы которого по самым скромным подсчётам оценивались в 30 тысяч штыков и сабель.

Армия на переправе, по крайней мере в первые полтора-два дня, оставалась разделённой Кубанью на две изолированные друг от друга части. Советское командование имело реальный шанс последовательными ударами разбить их поочерёдно. На левом берегу железнодорожная ветка Екатеринодар – Новороссийск почти на всём её протяжении уже к полудню 26 марта (8 апреля) вновь оказалась под контролем большевиков. Перебросить по ней отряд в 10-15 тысяч штыков было делом нескольких часов. На правом берегу пути проходили далеко в стороне, но Елизаветинская располагалась буквально в зоне видимости. И сосредоточенный удар по переправляющейся 2-й бригаде, нанесённый из города *значительными* силами, имел все шансы на успех.

Однако ни Автономов, ни Сорокин, ни кто-либо другой атаковать с решительными целями в этих благоприятных условиях

³⁷¹ Один паром был «захвачен» конницей Эрдели. Он, никем не охраняемый, находился у левого берега в момент выхода Конной бригады к переправе. Второй обнаружили ниже по течению и позже притянули.

³⁷² Вместе с гражданскими, обозом и беженцами.

не отважились. И понять их тоже можно. За все предыдущие дни похода в многочисленных боях успех неизбежно сопутствовал добровольцам. Везде и всегда. Вне зависимости от численного и технического превосходства противника и неблагоприятных для них условий ведения боя. К тому же о планах Корнилова советское командование не имело ни малейшего представления и после очередной неудачи под Афипской вынуждено было всё внимание уделить укреплению оборонительных позиций юго-западнее Энема³⁷³.

Так или иначе, но когда с утра 26 марта (8 апреля) 2-я пехотная бригада генерала Богаевского вышла к Кубани и начала переправляться, противодействия ей оказано не было. К вечеру вся бригада была уже на правом берегу и заняла без боя Елизаветинскую. Жители богатой, вытянутой вдоль реки станицы этим фактом обеспокоены не были. Смотрели на добровольцев без страха, но и без особых симпатий. Скорее с равнодушием, в лучшем случае, с любопытством. Несмотря на близость краевого центра, разгоравшийся пожар гражданского противостояния прошёл пока что стороной. Многих теперь как раз пугало, что с приходом Добровольческой армии налаженный мирный уклад может быть нарушен. Встречали тем не менее по традиции, колокольным звоном.

Первым на основном пароме переправился через Кубань Корниловский полк³⁷⁴. Едва заняв Елизаветинскую, «корниловцы» выставили сторожевое охранение, прикрывшее заставами

---

³⁷³ Думается, мог улучшить своё положение перед переправой и Корнилов. Судя по тому, с какой лёгкостью, никем не обнаруженная, вышла к Кубани в нескольких километрах от железнодорожного моста рота «марковцев», обходной манёвр оборонительных позиций противника был возможен. Поведи Армия наступление от Афипской с одновременным ударом частью сил в тыл большевикам, советские отряды под Энемом могли бы потерпеть серьёзное поражение.

Но Командующий не хотел отвлекаться на вспомогательные и подготовительные операции, которые могли принести как успех, так и невосполнимые потери. Он спешил вложить всю мощь Армии в один единственный, но решающий удар и тем окончательно решить исход противостояния в свою пользу.

³⁷⁴ В 14 часов «корниловцы» выступили из аула Панахес, в 18 часов начали переправляться.

северную и восточную окраины станицы. Северный фланг его был загнут влево, южный упирался в Кубань. Партизанский полк подошёл к реке и начал переправляться позднее. Лишь к полуночи он сосредоточился в западной части станицы, также выставив заставы. К утру переправилась и конница.

И всю ночь, не прекращаясь ни на минуту, шла переправа обоза. У аула Хаштук образовался табор из сотен телег, подвод и санитарных двуколок. Все понимали, что переправиться в один день не удастся, и терпеливо ждали своей очереди. У берега регулярно появлялись Марков или Корнилов и поддерживали порядок. Командующий лично осматривал проходящие мимо повозки. Случалось, отправлял в строй тех, которые, по его мнению, были способны носить оружие³⁷⁵. Обоз всё же переправлялся довольно бойко и постепенно сосредотачивался в Елизаветинской. А южнее 1-я бригада, развернувшись, полукружием, зацепившимся за аул Панахес, прикрыла переправу.

Скрыть столь масштабную операцию было невозможно. И первые неопределённые слухи о переправе Добровольческой армии через Кубань достигли Екатеринодара практически одновременно с её началом. Вскоре они были подтверждены разведанными. Однако под Энемом всё ещё оставался батальон Кубанского стрелкового полка³⁷⁶. И советское командо-

³⁷⁵ Попытки сократить обоз до минимума предпринимались на протяжении всего похода. Изымались и выбрасывались «лишние» подводы, назначались специальные комиссии, определяющие тяжесть ранения находившихся в обозе и даже лазарете добровольцев. Всё это, конечно, видимых результатов не давало. После каждого боя и каждой остановки в лежащей на пути станице, обоз неизбежно увеличивался.

³⁷⁶ В ночь на 27 марта (9 апреля) батальон, посчитавший, «что о нём забыли», снялся с позиций и в полном составе прибыл в расположение офицерской роты, куда подъехал с проверкой и Марков. Узнав о причине отхода, генерал вспылал.

– Что?! Вы видели, что я бросил кого-нибудь?! – выкрикнул он. – А не хотите – ну вас к чёрту! Получайте расчёт!

Тут Марков в сердцах, и, правда, полез в карман за бумажником. Ближайшие офицеры как один стали убеждать его, что их не так поняли, и во всём виноваты одинокая ночь в степи и отсутствие связи. Марков смягчился, спрятал бумажник, в котором ассигнаций едва ли набралось на то, чтобы рассчитать и одного добровольца, и приказал возвращаться. Батальон безропотно выстроился в колонну и преследовал обратно.

вание весь этот день оставалось в неведении относительно того, на каком направлении Корнилов проводит отвлекающий манёвр, а где нанесёт главный удар. Всё же разведка в течение дня предоставляла всё новые и новые данные, которые развеяли последние иллюзии. У Елизаветинской переправлялась *вся Армия*. И закрывать на это глаза было уже невозможно.

Как часто бывает в подобных случаях, принятое решение было половинчатым: произвести относительно небольшими силами³⁷⁷ разведку боем, не оставляя *пока ещё* позиций под Энемом и проверить на прочность переправившихся у Елизаветинской добровольцев. В 5 утра 27 марта (9 апреля) выдвинувшийся из Екатеринодара советский отряд натолкнулся на охранение Корниловского полка, завязал бой и начал обстреливать станицу. Незамедлительно Неженцев выслал на помощь заставам подкрепления. Рота за ротой поднимались по тревоге и вступали в бой, но переломить его всё не удавалось. Натиск красногвардейцев не ослабевал, местами «корниловцы» начали подаваться к станице. Более того, значительные силы противника охватили их левый фланг и создали реальную угрозу прорыва к северной окраине. К полудню Корниловский полк был на линии уже в полном составе, но и это ситуацию не изменило.

Неженцев, изначально обороняющийся, вынужден был распылать резервы на разных направлениях и в силу этого физически не мог сосредоточить кулак для решающего удара. Но, оттянув на себя все силы противника и связав их фронтальным боем, «корниловцы» создали необходимые предпосылки для успешного наступления выдвинутого Казановичем к восточной окраине Партизанского полка. Получив в 15 часов приказ, полк был введён в бой компактной массой на относительно узком участке, мгновенно смял находившихся перед ним красногвардейцев и пошёл вперёд, продвигаясь по обе стороны тракта

---

³⁷⁷ Другое дело, что шедший в авангарде отряд превосходил численно 2-ю бригаду, по крайней мере, вдвое. Но это была лишь малая часть сосредоточенных к тому времени в Екатеринодаре и под Энемом сил.

от Елизаветинской на Екатеринодар³⁷⁸. Советский отряд, заходивший во фланг «корниловцам», теперь сам рисковал оказаться отрезанным от города и поспешил выйти из боя. Его поспешный отход вынудил к отступлению и остальных. На отдельных участках распространилась паника, и толпы солдат отходили беспорядочно и в совершенном расстройстве.

Наступление «партизан» поддержали перешедшие в контратаку «корниловцы». Но они не могли продвинуться далеко, так как роты были разбросаны по всему периметру, и задачу по охране переправы с полка никто не снимал. В результате красногвардейцы остановились лишь у фермы³⁷⁹ и окружающих её хуторов не далее чем в трёх километрах от городских окраин. Казанович, *не встречая уже серьёзного сопротивления*, продвинулся до кирпичного завода, расположенного на возвышенности и господствующего над местностью, занял его и оттуда, на полдороге к городу, запросил у Богаевского дальнейших распоряжений.

Командир 2-й бригады оказался в затруднительном положении. Та лёгкость, с которой советский авангард был отогнан от переправы и обращён в бегство, заставляла задуматься о возможности немедленного занятия столицы Кубани. Будь на его месте Марков, он, по-видимому, так бы и поступил. Во всяком случае, попытался. Но Марков с двумя полками оставался

---

³⁷⁸ Партизанский полк поддерживала Сводная Кубанская офицерская батарея есаула Крамарова (так называемая «Крамаровская батарея»). В какой-то момент цепи «партизан» были обстреляны с короткой дистанции советскими орудиями и вынуждены были залечь. Видя это, начальник команды разведчиков-батарейцев подесаул В.И. Третьяков по собственной инициативе попытался вместе с восемью подчинёнными атаковать батарею противника в конном строю. Атака не удалась. Сильное пехотное прикрытие батареи встретило разведчиков огнём. Успели выстрелить картечью и орудия. Лошади под большинством разведчиков были ранены или убиты. Получили ранения и люди. Тем не менее, Третьяков не растерялся, приказал всем спешиться и в свою очередь открыть огонь. Стреляли метко. Часть прислуги у орудий была перебита, остальные поспешили сменить позицию. Батарея взялась на передки и ушла к Екатеринодару. Вслед за ней спешно отошли и красногвардейцы.

³⁷⁹ Расположенная у берега Кубани, «Образцовая ферма Екатеринодарского сельскохозяйственного общества».

на левом берегу. К тому же Богаевский отдавал себе ясный отчёт в том, что располагает незначительными силами. И в случае весьма вероятной неудачи Партизанский полк, да и вся 2-я бригада не просто потерпела бы поражение, а, оставшись без поддержки, была бы разбита и уничтожена.

Екатеринодар манил близостью и кажущейся доступностью. Но что происходило в городе, и какими силами располагал противник, не знал никто. А за спиной была переправа и часть обоза в Елизаветинской. Богаевский отдал приказ Казановичу отступить к станице, что, по мнению большинства современников, явилось роковой ошибкой. Вот как позже мотивировал генерал своё решение: «Задача моя – *прикрытие переправы у ст. Елизаветинской* – была исполнена: решительным ударом мне удалось далеко отбросить красных. Видимо, подавленный этой неудачей, противник не подавал более признаков желания перейти в новое наступление, и я, подождав до вечера, приказал бригаде вернуться на ночлег в станицу, оставив на высоте кирпичного завода сторожевое охранение³⁸⁰. *Обоз наш спокойно продолжал переправу.*

Удачный бой... и паническое отступление красных... толкали меня на дальнейшее продвижение вперёд и атаку врага своей бригадой, но, не получив на это приказание Корнилова и не желая ставить Добровольческую армию, в случае неудачи, в отчаянное положение, так как Марков был ещё на другой стороне и не в состоянии был бы помочь мне, я с сожалением вынужден был отказаться от этой мысли. Останавливало меня ещё и то

³⁸⁰ Казанович трактует этот эпизод несколько иначе. Вот его слова: «Уезжая в станицу Елизаветинскую, ген. Богаевский сказал мне, что атака Екатеринодара предполагается по окончании переправы всей армии и предоставил моему усмотрению: оставить ли весь полк на ночь на взятых позициях или отвести его на ночлег в станицу, оставив на линии кирпичного завода сторожевое охранение.

Я предпочёл последнее, зная, что переправа не может закончиться раньше вечера следующего дня и, не желая лишать людей удобного ночлега и ожидавшего их ужина.

Отведя полк с наступлением темноты в Елизаветинскую, я получил приказ по армии, в котором подтверждалось сказанное мне генералом Богаевским, т.е. 28 марта 2-я бригада должна была оставаться на занимаемых местах, а остальные части – продолжать переправу».

соображение, что если б я даже и взял Екатеринодар, то удержать его до подхода Маркова я был бы не в состоянии, так как большевики очень легко могли подвезти по жел.-дороге значительные силы, окружить меня в обширном городе, где было немало и местных большевиков, и попросту уничтожить³⁸¹. *Последующие события оправдали это моё соображение*³⁸²».

Так или иначе, но Партизанский полк к городу не пошёл. А вскоре советское командование, разобравшись, наконец, в ситуации, перебрало из-под Энема всё, что только смогло. И возможность ворваться в Екатеринодар силами одного полка, если таковая и была, исчезла безвозвратно.

Между тем Корнилов действиями Богаевского остался доволен.

А.П. Богаевский

³⁸¹ Куда более категоричен Казанович. Вот что он пишет: «Существует мнение, что нам в тот же день, следовало атаковать наличными силами Екатеринодар, но при этом упускают из виду, что всё это происходило во второй половине дня, что до Екатеринодара было ещё далеко и что в сборе был один только Партизанский полк (800 штыков), а Корниловский занимал очень растянутое расположение и на сбор его потребовалось бы немало времени.

Во всяком случае, лёгкость, с которой партизаны отбросили большевиков, произвела большое впечатление на зрителей и, по-видимому, доклад кого-нибудь из них повлиял на решение Корнилова атаковать, не ожидая переправы бригады ген. Маркова, решение, имевшее роковое влияние на исход всей операции».

³⁸² Последующие события действительно продемонстрировали подавляющее численное превосходство большевиков. И 2-я бригада, решилась Богаевский и удайся ему захват города, имела немного шансов его удержать. Рассчитывать можно было лишь на то, чтобы прорваться к железнодорожному мосту через Кубань до того, как советское командование перебрало бы в город от Энема значительные силы. Либо на то, что большевики, потеряв Екатеринодар, вообще не станут его отбивать. Все эти «если» представляются бесконечно далёкими от реальности. Но с другой стороны, разве не кажется легендой, больше похожей на сказку, и весь поход?

Переправа шла полным ходом³⁸³, что Командующий считал основополагающим фактором. В штабе царила эйфория, словно взятие Екатеринодара оставалось теперь лишь делом времени. «27 марта, – пишет Деникин, – мы беседовали в штабе о вопросах, связанных с занятием Екатеринодара, как о чём-то неизбежном и не допускающем сомнения. Чтобы не повторить ростовской ошибки, решено было временно, до упрочения военного положения, не восстанавливать кубанскую власть, а назначить в Екатеринодар генерал-губернатора; эта должность возложена была на меня. Помню, что кубанское правительство отнеслось к этой мере с молчаливым осуждением...³⁸⁴»

³⁸³ Вперемежку с обозом в этот день переправились Пластунский и Чехословацкий батальоны. Чехословаки сразу же выставили заставы к западу от станицы.

³⁸⁴ Когда Деникин, как вступающий в должность генерал-губернатор, обратился к Кубанцам с просьбой дать ему в помощь «опытных общественных деятелей», то в его распоряжение были предоставлены вышедший в отставку полицмейстер и остававшиеся без дела чины контрразведывательного отделения.

Ко всему, неприятная история вышла у Кубанцев и с Марковым. Генерал, крайне раздосадованный тем, что его бригада остаётся в арьергарде, всю свою энергию употребил на ускорение переправы. Любые отступления от определённой очерёдности пресекались им без всякой жалости. «Протрафившиеся» подводы тут же уведились в сторону, за кусты и автоматически попадали в новую очередь. Тех, кто переправлялся теперь последним.

В какой-то момент к переправе подошла и стала в общую очередь группа членов Рады. На паром вначале заходили подводы, а затем уже промежутки между ними заполнялись пешими из толпы гражданских лиц. Едва положенное число Кубанцев направилось к парому, к ним подскочил Марков, посчитавший, что нераспознанная им группа, особой боевой ценности не представляет, и может подождать. Как и всегда громким голосом, генерал начал выговаривать им самые нелицеприятные вещи. Выражений при этом он не выбирал. Бывший при правительственных чинах офицер не постеснялся сделать ему замечание, заметил, что можно говорить и потише, так как глухих нет.

– Вы знаете, с кем вы говорите? – распаялся Марков.

– Так точно, знаю.

– С кем?

– С генералом, – нашёл офицер.

– С генералом... Генералов много... – несколько сбавил тон Марков. Но продолжал заносчиво. – Я тот, благодаря которому, быть может, и ваша жизнь спасена...

Члены Рады всё же вынуждены были сойти с парома. Сгрудившись неподалёку, они выделили из своих рядов Д.Е. Скобцова и направили его осведомиться о том, когда теперь можно будет переправляться.

Впрочем, уверены в успехе были и в линии на правом берегу, и в обозе, и среди добровольцев 1-й бригады. Даже и Марков позволял себе ворчать в присутствии своих офицеров:

– Чёрт знает что! Попадёшь к шапочному разбору!..

Людам, даже и законченным скептикам, свойственно надеяться на лучшее. Екатеринодар, бывший недавно недостижимой мечтой, вдруг оказался рядом, на расстоянии одной удачной атаки. Город обещал отдых, устроенность, пополнения, перспективы. Новые силы, новые надежды, и, думалось, новую жизнь. Хотелось, во всяком случае, во всё это верить, и люди верили...

В этот день Корнилов впервые за весь поход отдал приказ о мобилизации казаков. По понятным причинам мобилизационные мероприятия *всерьёз* развёрнуты не были. Тем не менее, в Армию успели влиться свыше двухсот казаков близлежащих станиц.

День клонился к вечеру. Бой затихал. Партизанский полк стягивался постепенно к кирпичному заводу. Лишь одинокий пулемёт продолжал постреливать впереди на холме. Богаев-

---

«Я пошёл... – вспоминает Скобцов. – Подошёл к генералу, назвал себя и попросил разъяснить, окончательно ли им отменено в отношении Кубанской Рады его первоначальное распоряжение о переправе.

Со мной заговорил совсем другой человек: любезный, предупредительный.

– Нет, это вышло случайно, – те пять человек слишком столпились... Пожалуйста, продолжайте переправу...

Проводил даже до спуска с парома и жестом гостеприимного хозяина пригласил на паром очередных пять-шесть человек, только что с таким треском им спущенных оттуда.

В этом выразился Марков, именно каким мы его узнали во время похода. Страшно несдержанный в словах в момент раздражения и азарта... Грубый, крикливый. Как мы удивлялись, что это один из наиболее блестящих офицеров генерального штаба, профессор академии... Но удивительно внимательным, вдумчивым и вообще приятным в обращении и речи был ген. Марков, когда равновесие духа возвращалось к нему»

Этот эпизод наглядно свидетельствует о степени нервного напряжения, в котором находился всё это время Марков и о том, каких усилий стоило ему сдерживать эмоции и порывы.

Но также и о небрежении институтами и персоналиями Краевой власти. Всё это не забылось, аукнулось много позже и, пусть в малой степени, предопределило катастрофу.

ский поднялся на возвышенность. Тут же находились и командиры обоих полков его бригады. На вершине, на открытой позиции стоял пулемёт. За ним лежал офицер³⁸⁵ и меткой стрельбой вносил сумятицу в действия воспрянувшего после отхода «партизан» противника. Едва в зоне досягаемости появлялась достойная внимания цель, тут же она накрывалась метким пулемётным огнём. Попыталась стать на позицию у фермы батарея, следовала очередь, и советские артиллеристы, теряя ранеными людей и лошадей, поспешили взяться на передки и скрыться в близлежащей роще. Ей навстречу начали выдвигаться подводы, но тут же вынуждены были повернуть назад. Наконец на опушку выехала группа конных, по-видимому, командиры. Офицер выпустил пол-ленты, и кавалькада рассеялась.

Пулемёт давно был замечен, и откуда-то с закрытой позиции начало бить по нему орудие. Разрывы пока что ложились в стороне. Богаевский подошёл и обнаружил, что за второго номера была молоденькая сестра милосердия, бесстрашно набивавшая патронами ленты. Уходя, Богаевский настоял на том, чтобы девушка проследовала вместе с ним. Советские артиллеристы, наконец, пристрелялись и накрыли вершину холма. Но офицер остался цел и невредим, и лишь переменял позицию. И долго ещё, пока не начало темнеть, слышны были его короткие скупые очереди...

На ночь оба полка, Партизанский и Корниловский, были отведены в станицу³⁸⁶. Лишь охранение, выставленное Казановичем, прикрывало её со стороны Екатеринодара.

6.12.2. Перед штурмом

В 2 часа ночи 28 марта (10 апреля) Казанович получил новый приказ: 2-й бригаде наступать на Екатеринодар, не дожидаясь переправы и развёртывания остальных частей. Во исполнение этого распоряжения Богаевский предписывал Партизанскому полку атаковать западные окраины города, а Корниловскому –

³⁸⁵ Прапорщик Зайцев, убитый вскоре при штурме города.

³⁸⁶ Здесь в состав Корниловского полка были влиты до трёхсот казаков-кубанцев под командой есаула Кисель.